

А.Р. Михеева

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ОПЫТ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ В РАМКАХ
ГЕНЕТИЧЕСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА***

В статье рассматривается концепция социального механизма взаимодействия трансформационных процессов в сфере частной жизни и демографического развития общества; обосновывается реальная междисциплинарность изучения этих процессов — построение гомогенного объекта исследования, интегрирующего социологические и демографические знания с ориентацией на получение знания в предметном поле социологической науки (социологии семьи). Интеграция макро- микроподходов в социологии семьи в работе базируется на основных принципах теории генетического структурализма П. Бурдьё, а также на авторской разработке категорий «приватно-демографического поля» и «приватно-демографического хабитуса».

Ключевые слова: *сфера частной жизни, теория демографического перехода, социальная морфология, приватно-демографическое поле, приватно-демографический хабитус.*

Keywords: *private sphere, demographic transition, social morphology, private-demographic field, private-demographic habitus.*

Процессы, происходящие в сфере брака, семьи и вообще в сфере частной жизни многих современных обществ, довольно противоречивы. С одной стороны — это низкая рождаемость, высокая разводимость, социальное сиротство, однополые супружеские союзы, стиль жизни

* Статья подготовлена на кафедре общей социологии НГУ в рамках проекта «Социализация современных детей в России: роли семейных и внесемейных институтов» (РГНФ № 10-03-00499а, рук. Т.Ю. Черкашина).

«Child free», с другой, — относительно высокая внебрачная рождаемость, стремление разведенных отцов сохранять связь с родными детьми, распространение социального (небиологического) отцовства; развитие новых репродуктивных технологий для тех, кто не может по разным причинам иметь (зачать/выносить) ребенка; «очереди» на опеку/усыновление детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и пр.

Задача современной социальной науки — выявить механизмы, «запускающие» современные процессы в сфере семьи, брака, сексуальности, репродуктивного поведения, распространение новых форм организации частной жизни, первичной социализации новых поколений. В данной работе предпринята попытка разработки концептуальных основ изучения социального механизма взаимодействия трансформационных процессов в сфере частной жизни людей и демографического развития общества.

1. Семейные отношения и демографическая сфера общества: междисциплинарность изучения семьи

Семья является одним из основных, фундаментальных институтов существования человека и общества. Главные функции семьи, придающие ей институциональный характер — обеспечение воспроизводства человеческого общества, т. е. рождение потомства, его выхаживание и «научение» жизни в обществе. Институциональные изменения семьи происходят на протяжении всей истории человечества — она приспосабливается к трансформациям общества в целом, в его экономической, политической, социально-культурной и др. сферах. Но главные функции брака и семьи — возобновление поколений — были неизменными на протяжении тысячелетий.

Практически все исследователи семьи приводят данные социологических опросов о стабильно высоком месте ценности семьи, счастливого брака в индивидуальной ценностной структуре. И это понятно — каждый человек в своей личной жизни является субъектом тех или иных взаимодействий и отношений. Это и первичные, «детские» отношения — с родителями, прародителями, братьями, сестрами, родственниками — по семье происхождения. Затем в юности, в молодости — с подругами, друзьями, партнерами по интимным, любовным отношениям; в зрелом возрасте — с брачным партнером, детьми, родственниками, свойственниками. Взаимодействия людей в этих группах, называемых семьями, супружескими парами, другими формами организации частной жизни, имеют институциональный характер: они происходят в рамках определенных, устоявшихся или устанавливаемых на наших

глазах, ставших привычными и становящихся привычными правил поведения и повседневных практик — на основе принятых в обществе норм и санкций (Бергер, Лукман 1995: 89–94). Причем возрастающее значение чувственных, сексуальных, интимных отношений в приватной жизни, анализ их исторических истоков, современное «опривычивание» этих отношений все чаще становятся предметом осмысления и переосмысления философов и социологов*.

В основе исторически сложившейся «традиционной» нормативно-ценностной структуры брачно-семейных отношений, взаимодействия женщин, мужчин, детей, пожилых людей в семье, в частной жизни лежит, прежде всего, *биологически обусловленное* разделение труда в сфере воспроизводства человеческой жизни и на его основе длительного (в течение тысячелетий) *культурно-исторического* конструирования гендерных, супружеских, родительских, возрастных норм, ролей, ценностей, представлений. Первоначальной исторической целью этой нормативности было *выживание человеческого рода*. Поэтому нынешние общепринятые интерпретации-трюизмы, такие как «снижение рождаемости и трансформация семейных отношений происходит из-за эмансипации женщин, их включенности в публичные сферы жизни общества» или «рост разводимости обусловлен изменением системы норм и ценностей», ничего не говорят нам о том, *почему* эти системы изменяются в одних обществах, но продолжают сохраняться в других, и каким образом «запускаются» эти изменения.

Итак, проблема поиска общих сущностных причин изменений ценностной системы, социальных норм, определяющих брачные, семейные, родительские, гендерные отношения людей, остается нерешенной. Решение ее позволит конструктивно подойти к рассмотрению вопросов *необходимости и возможности* регулирования процессов в сфере рождаемости, брака, семьи как на уровне общества и его органов управления, так и на микроуровне — в индивидуальных, внутрисемейных отношениях.

Важнейшее понятие в работе — «социальный механизм». Данная категория применительно к современным трансформационным процессам в широком круге социальных сфер российского общества подробно разработана в рамках исследований Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ). Сконструировать социальный механизм — значит представить процесс как некоторую целостность, охватывающую и устойчивые структурные воздействия, и индивидуальные/групповые действия, отношения (Заславская 2003: 93–100). Если следовать этому

* См., напр.: (Гидденс 2004; Голод 1996; Ионин 2003; Кон 2011).

определению социального механизма, то изучение социального механизма трансформации социальных процессов в сфере частной жизни заключается в том, чтобы показать, каким образом действия социальных акторов микроуровня (индивидов, групп) *меняют* макрохарактеристики институтов брака и семьи, т. е. демографической сферы общества, и как *изменение* этих макропараметров, в свою очередь, воздействует на жизнь и деятельность агентов (индивидуальных и коллективных) сферы частной жизни, т. е. индивидов, супружеских пар, семей, домохозяйств.

Теоретические подходы, аналитические схемы, блоки механизма социальных процессов, разработанные учеными НЭСШ, были нацелены на исследование трансформационной ситуации, главным образом в экономическом, политическом и других публичных полях в России в 1980–1990-х гг.* Но трансформационные процессы в сфере частной жизни, так же, как и модернизация демографической сферы в целом, происходили в России (и в СССР) на протяжении всего XX в. Начались эти трансформации еще в XIX в. (Демографическая модернизация... 2006), так что использование аналитических схем, разработанных эконом-социологами для исследования нынешних трансформационных процессов в институтах публичной сферы, не вполне соответствует нашей концепции социального механизма трансформации сферы частной жизни. Причина этого не только в значительно более длительном периоде трансформаций в сфере брака, семьи, демографии, но и в специфической природе процессов, происходящих в приватной сфере. А именно в том, что наиболее общие (многовековые) трансформации этих процессов, по-видимому, не всегда и не столь однозначно обусловлены экономическими, политическими и др. (конъюнктурными) факторами.

Институты частной сферы общества — брак, семья, супружество, домохозяйство, родительство, а также взаимоотношения включенных в них индивидов являются объектом изучения многих социальных дисциплин: философии, антропологии, этнографии, культурологии, истории, семейного права, экономики домохозяйства, социальной психологии, социальной педагогики, социальной работы и др. Но две дисциплины: *социологию семьи и демографию* — можно считать первостепенными в исследованиях институциональных трансформаций брака и семьи. Это следует из того, что, во-первых, физическое воспроизводство новых поколений и их первичная социализация является институциональной сущностью семьи; состояние и динамика в этих

* См., напр.: (Заславская, Шабанова 2003: 153–164).

сферах сказываются и на переменах во всех микро- и макроструктурах и отношениях в сфере частной жизни. Во-вторых, сущностная близость этих дисциплин следует из определения их предметов изучения: в рамках демографии изучаются закономерности воспроизводства населения — как результатов рождений и смертей, динамика показателей интенсивности этих событий во времени и в разных обществах. Предметом же социологии семьи является социальная обусловленность явлений, происходящих в сфере семьи, брака — на институциональном уровне или на уровне индивидуальной брачной, супружеской, семейной жизни людей. Интенсивность событий — браков, рождений, разводов, смертей — как результат поведения людей в частной сфере — в конце концов, и оказывается тем статистическим (макроуровневым) показателем, закономерности динамики которого являются предметом изучения демографии.

Изменения, происходящие в институтах брака, семьи, были практически на протяжении всего XX в. объектом социологического изучения зарубежной и отечественной науки. В обширных обзорах результатов социологических исследований семьи зарубежными и российскими учеными констатируется, что с семьей как социальным феноменом происходят кардинальные изменения, в основании которых лежит трансформация брачных, семейных ценностей, ценностей детей / ребенка, а также — социальных норм, ориентаций, представлений. В работах демографов тоже исследуются и объясняются закономерности социально-демографических изменений в обществе, при этом исследователи-демографы также апеллируют к процессам трансформации в сфере брака и семьи и объясняют демографические тренды изменениями брачных, репродуктивных норм, ценностей, ориентаций. Да и для многих научных дисциплин, изучающих семью XX — начала XXI вв., главной концептуальной идеей теоретических схем, объясняющих изменения семейных укладов, семейных отношений, функций семьи, числа детей, форм семьи, служат довольно схожие утверждения-констатации о том, что эти изменения происходят в результате неких трансформаций ценностно-нормативной системы общества / группы / личности. Вот в этом сходстве объяснительных схем и их концептуальных составных частей в разных науках о семье, по-видимому, и проявляется междисциплинарность исследований семьи. Но такая — результирующая — междисциплинарность имеет *формальный* характер, поскольку в интегральном, целостном знании о семье, ее трансформациях и их причинах обобщаются те результаты и выводы, которые были ранее получены и накоплены в разных научных дисциплинах, изучающих семью.

Онтологическую проблему интеграции именно социологического и демографического подходов как глубоко существенных в исследованиях семьи поставил К. Дэвис в статье «Социология демографического поведения» (Дэвис 1965). В этой работе отмечалась необходимость расширения специализации научных исследований, охватывающих весьма близкие предметные области, среди которых — изучение рождаемости «во взаимосвязи с установками и социальными институтами (в индустриальных и развивающихся обществах) и исследование семьи с точки зрения демографии». Дилемма специализации двух наук — социологии семьи и демографии, о которой писал К. Дэвис, нашла свое разрешение в современных исследованиях*. Однако, как нам представляется, междисциплинарность большинства таких работ имеет по-прежнему *формальный* характер, поскольку в них предполагается использование материалов смежных наук, «накладывание» их на изучаемые структуры — население или институции брака, семьи, родительства и др.

Если же говорить о *реальной* междисциплинарности, то она предполагает необходимость изучения целостного гомогенного (однородного) объекта — отношений людей в сфере частной жизни — с точки зрения его (объекта) онтологической взаимосвязи с процессами в демографической сфере общества. Задача нашего исследования как раз и состоит в попытке построения такой целостной конструкции исходной теоретической модели этого взаимодействия. Формирование структуры такого взаимодействия в идеале заключается в построении и анализе гомогенного объекта исследования, который интегрирует рамки социологических и демографических знаний. Изучение такого интегрированного, но гомогенного объекта ориентировано на получение знания в интересах предметного развития социологической науки, т. к. речь идет не об устоявшихся демографических закономерностях и знаниях о них, а именно о трансформациях в одной из важнейших социальных структур — семье, браке и сфере частной жизни вообще.

2. О социальной морфологии (к истории взаимосвязи социологического и демографического подходов в исследованиях семьи)

Вопрос о возможности, целесообразности и необходимости взаимосвязанного социологического и демографического анализа неод-

* Обзор советских и зарубежных обследований репродуктивного поведения женщин см., напр.: (Захарова 1999; Антонов 1980: 115–187; Как изучают рождаемость 1983; и др.).

нократно поднимался и социологами, и демографами. Обращения к численности населения, к числу рождений, смертей, к проблемам семьи — были известны и в древней Греции — у Платона и Аристотеля, у других античных и средневековых философов, т. е. задолго до появления научной социологии.

Основоположники социологии О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм обращались к демографическим аспектам развития общества, придавая большое значение численности и плотности населения в социальном прогрессе. В XIX в. в определенной степени этому способствовало широкое распространение теории населения Т. Мальтуса и дискуссии, которые она вызвала. Население, его численность и состав стали непеременимыми «начальными» условиями практически всех социальных исследований. В начале XX в. (1909 г.) Э. Дюркгейм, рассуждая о двух важнейших разновидностях «социальных фактов», одним из них считает социально-морфологические факты: «Прежде всего, уместно исследовать общество в его внешнем аспекте. Под этим углом зрения оно выступает как состоящее из массы людей, обладающей известной плотностью, расположенной на территории определенным образом, рассеянной по деревням или сконцентрированной в городах и т. д.» (Дюркгейм 1995а: 274). Социальные факты такого рода — объективная *надындивидуальная макроуровневая* реальность, т. е. общество, существующее вне индивидов. Т. о. Э. Дюркгейм, называя эти явления социально-морфологическими фактами, относит к ним весь комплекс структурно-вещественных (материальных) компонент социальной жизни: демографические параметры, миграционные потоки, процессы урбанизации и их последствия, территориальное распределение людских и материальных ресурсов, частоту социальных контактов (Там же: 275).

К другой разновидности социальных фактов Дюркгейм относит «коллективные представления», т. е. факты особого рода, как бы «духовное» измерение общества, которое складывается из ментально-психологических фактов. Он пишет, что в любом обществе «существует некоторое множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни. Таковы народные легенды, религиозные традиции, политические верования, язык и т. п. Все эти явления психологического порядка, но они не относятся к индивидуальной психологии, поскольку выходят далеко за пределы индивида» (Дюркгейм 1995б: 190). Для целей нашей работы важно подчеркнуть положение Дюркгейма о том, что люди, хотя и имеют определенные убеждения, некие жизненные позиции, суждения

и т. п., *не сами «творят»* эти культурные формы и убеждения, а в своих индивидуальных поступках являются исполнителями «могущественной, онтологически суверенной общественной воли» (Батыгин, Подвойский 2007: 178). Эта идея, по существу, впоследствии станет ключевой для структурализма как междисциплинарной исследовательской ориентации.

Междисциплинарность социолого-демографического подхода развивает в своих трудах ученик и последователь Э. Дюркгейма Морис Хальбвакс. Он, так же, как и другие представители французской социологической школы, в своих исследованиях социальной реальности придавал «особое значение тому, *что* в обществе приобретает физический характер: площадь, численность населения, плотность, движение, количественные аспекты, т. е. то, что можно измерить и сосчитать» (Halbwachs 1960). В статье «Браки во Франции во время и после войны» (1935 г.) Хальбвакс на основе статистических материалов проанализировал особенности формирования брачных пар в условиях нарушения пропорций населения по полу и возрастным группам. Но, как социолог, говоря об объективных причинах изменений вероятностей вступления в брак, Хальбвакс пишет о субъективном факторе «стремления к браку», понимая его как некоторую социально-психологическую константу. «Именно социальному организму свойственно делать более прочными изменения, которые приняли *истинно коллективную форму*. Так, поверх индивидуальных усилий и стремлений существует как бы коллективный брачный марш, смысл и ритм которого регулируется развитием общества» (Хальбвакс 2000а: 288).

В этой и ряде других статей (например, «Статистика в социологии», «Закон в социологии») Хальбвакс подчеркивает, что для установления значимых социальных отношений и их интерпретации недостаточно суммы индивидуальных случаев. Он предлагает следующую последовательность шагов для социологического синтеза единичных фактов: 1) фиксация единичных фактов путем непрерывного наблюдения; 2) помещение их в социальные единства (институты, группы, представления, склонности); 3) помещение этих единств в более обширные единства (общества). В результате, *статистический материал* может объяснить социально-значимые отношения, т. е. интерпретировать индивидуальные или групповые феномены, в основе которых может быть субъективность. Этот логический поворот отражает глубокую сущность «социологического метода» М. Хальбвакса, предпринявшего очевидную попытку преодоления макро-микро дилеммы в социологии, а также объективности и субъективности социальной реальности (Хальбвакс 2000б: 155–180).

Следующим тезисом М. Хальбвакса, важным для нашей теории, является то, что «каждый из порядков: физический, органический, психический, социальный — обладает относительной автономией и собственными закономерностями». Поэтому искать объяснения изменений, происходящих в каждой из этих сфер, «следует не в экономической истории, а в ней самой» (Там же: 485—486). Эти идеи и ряд методических приемов, разработанных М. Хальбваксом в первой половине XX в., были использованы и развиты группой социологов во главе с П. Бурдьё в 1970—1990-х гг.

Таким образом, изучение и анализ объективных физических «социальных фактов», характеризующих население, Дюркгейм, а затем и Хальбвакс относили к предмету науки «социальной морфологии». При этом они подчеркивали специфичность исследовательских методов, практически альтернативных демографическим, но и отличных от социологических. В дальнейшем население и его характеристики рассматриваются социологами относительно изолированно от социологических проблем. Так, Ян Щепаньский называет такие явления, как рождаемость, естественный прирост, возрастание плотности населения, возрастной состав, «демографическими основами» общественной жизни, наряду с биологическими, географическими, экономическими основами (Щепаньский 1967: 35—36). Не просматривается понимание междисциплинарности и в «Социологии» Э. Гидденса. Автор посвящает отдельную главу росту народонаселения как одному из глобальных процессов, обуславливающих такие риски, как экологический кризис, состояние окружающей среды, глобальное потепление, нехватка продовольствия, ресурсов (Гидденс 2005: 522—547). Однако в книге никак не обозначена взаимосвязанность этого (демографического) риска с феноменами, рассматриваемыми автором в предшествующих главах: гендерными отношениями, семьей, браком. Но ведь именно во взаимодействии этих социальных явлений (семьи и режима воспроизводства населения) обнажаются социально-морфологические факты (по Э. Дюркгейму, М. Хальбваксу, К. Дэвису), а также взаимообусловленность их и индивидуальных действий людей и видов отношений (по М. Веберу и др.) в приватной сфере.

Современными примерами понимания и применения интегрального подхода могут служить работы Р. Инглхарта (Инглхарт 1997: 6—32), З. Баумана (Бауман 2005: 276—299), У. Бека (Бек 2000: 147—187), в которых рассматривается «размывание» гендерных ролей, сексуальных норм, ценностей как результат модернизации демографической сферы общества (демографических переходов), происходящей параллельно процессам индустриализации, урбанизации, цивилизационного разви-

тия в целом. Например, У. Бек, говоря о причинах изменения гендерных ролей, на первое место ставит демографический феномен: «Прежде всего благодаря *увеличению ожидаемой продолжительности жизни* произошел сдвиг в биографической структуре, в протяженности жизненных фаз... Это способствовало “*демографическому освобождению женщин*” <...> Жизнь ради детей стала для женщин *проходным* жизненным этапом. За ним следуют в среднем еще *три десятилетия* “опустевшего гнезда” — вне традиционного средоточия женской жизни» (Там же: 166–167).

Наиболее четко демографическая обусловленность социальных трансформаций, причем уже конкретно — трансформаций отношений в семье, в сфере частной жизни — анализируется демографами У. Томпсоном, А.П. Хоменко, А. Ландри, А.Г. Вишневым, Д. Ван де Каа, Р. Лестегом и др., изучающими феномен демографической революции или демографического перехода (первого и второго), его предпосылки и последствия*. Специфику изучения этих демографических изменений и их социальных последствий (методы, объем эмпирических материалов, интерпретаций), в рамках этого подхода вполне можно охарактеризовать как объективную, макроуровневую. Но социальный механизм этих глобальных изменений (демографических переходов) по-прежнему остается неясным, поскольку в рамках теории демографического перехода описываются общие *количественные* черты демографических изменений. Одновременно практически все авторы делают вполне социологический вывод о том, что социальные *причины* и/или *последствия* этих изменений состоят в трансформации ценностно-нормативной системы, касающейся сферы частной жизни. Тем не менее, общая канва демографического теоретизирования создает впечатление надежности и справедливости объяснительных схем. Как видно, теорию демографических переходов с большим основанием можно считать развитием демографо-социологической междисциплинарности в исследовании семьи, потому что теоретизирование базируется здесь на постулатах о трансформации нормативной системы, регулирующей сексуальное, брачное и репродуктивное поведение женщин. Постулаты эти следующие: 1) традиционные («допереходные») нормы брачного, сексуального, репродуктивного, семейного

* Не вдаваясь в детали дискуссии о теории демографического перехода (см., например: Клупт 2005: 139–149; Вишневский 2005: 150–155; и др.), отметим, что мы разделяем позицию сторонников этой теории, поскольку в ее основе заложен принцип глубокой историчности и «демографичности» развития социальной сферы возобновления поколений.

поведения требовали от женщины максимального удлинения репродуктивного периода; дети, рождавшиеся в браке, рассматривались как подтверждение соблюдения этих норм; 2) ослабление демографического давления (снижение смертности на первом этапе демографического перехода) привело к нарушению слитности всех этих видов демографического поведения; 3) постепенно, на протяжении последних двух-трех веков происходило относительное разделение этих видов поведения и соответствующих брачных, репродуктивных, семейных отношений. В исследованиях демографов А.Г. Вишневого, С.В. Захарова, Е.И. Ивановой и др. подтверждается вывод о все большей автономности этих видов демографического поведения друг от друга, т. е. «постпереходные» социальные нормы сексуального, брачного, репродуктивного поведения становятся неоднозначными, гибкими, ненавязчивыми, каждый из этих видов демографического поведения постепенно становится отдельно самоценным (Демографическая модернизация... 2006: 96–246).

Еще одна особенность теории демографических переходов состоит в том, что она основывается на весьма важном (для целей нашего исследования) принципе — историчности трех режимов воспроизводства населения: примитивного, переходного и современного (Landry 1934: 54, цит. по: Вишневикий 1982: 45). А.Г. Вишневикий в своих работах развивает эту идею, называя эти режимы архетипом, традиционным и современным (рациональным). На этой основе — историчности изменений всех видов поведения в сфере частной жизни — и исходя из институционализирующей семью воспроизводственной функции С.И. Голод разработал свою теорию исторических типов семейных отношений: патриархатного (традиционного), детоцентристского (современного) и супружеского (постсовременного) (Голод 1998). Суть этой теории состоит в том, что структура и характер внутрисемейных отношений: родственных, детско-родительских, супружеских — изменяется в их исторической динамике. С.И. Голод так же, как и вышеупомянутые демографы, еще в начале 1980-х гг. писал о гибкости современной нормативной системы брачного и семейного поведения людей (Голод 1984: 8). И в этом уже проявляется попытка интеграции макро- и микро подходов в социологии семьи: автор связывает трансформацию внутрисемейных отношений с переструктурированием (разрывом слитности) демографического поведения (брачного, сексуального, репродуктивного) с позиций их исторической трансформации. Однако и в этой теории остаются без объяснения причины, «запускающие» эти исторические переходы от одних типов семейных отношений к другим.

3. Попытка преодоления макро-микро дилеммы в социологии семьи (введение категорий «приватно-демографическое поле» и «приватно-демографический хабитус»)

Проблемы преодоления макро-микро, «действия и структуры» дилемм, а также вопросы мультипарадигмальности в общей социологической теории рассматриваются во многих работах российских и зарубежных теоретиков*. В социологии семьи проблема интеграции макро-микро и действия-структуры специально не обсуждается. Но при постановке проблемы исследования практически во всех работах приводятся определения семьи как социального института (структуры) и как малой социальной группы (действия), а затем обосновывается выбор того или иного подхода, соответствующего целям конкретного исследования. И чаще всего этот выбор останавливается на изучении взаимоотношений членов семьи как малой группы (микропозиции, действия), но интерпретируемых в контекстах институциональных ограничений: функций, ролей, статусов — макропозиции и элементы социальной структуры (напр., Римашевская и др. 1999). Такой подход встречается практически во всех отечественных исследованиях: анализу семейных отношений как *микропозиций / действия* всегда предшествует описание «демографического фона» — динамики числа, величины и состава семей, уровней показателей рождаемости (в том числе внебрачной), брачности, разводимости, интерпретируемых чаще всего как институциональные дисфункции, «деинституализация» — как будто бы *макропозиций / структуры*. Так что создается впечатление о преодолении макро-микро дилеммы в объяснении социальных процессов как в частной жизни, так и в демографической сфере общества**.

Важным моментом, который следует акцентировать, является то, что в дискурсе социологии семьи, если и рассматривается «макроуровень» как система, влияющая на изменения семейных, гендерных и др. отношений, то это — «общество» (напр.: Харчев 2003; Антонов 1980: 76–82; Гурко 2008; Мацковский 1989; Здравомыслова 2003; Карцева 2002: 19 и др.). Так, А.И. Антонов, вслед за А.Г. Харчевым и М.С. Мацковским, считает что основная социальная функция семьи — быть «посредником», «промежуточным звеном» между обществом и индивидом. Л.В. Карцева, обозначая свой подход как «субъектно-центрический»,

* См., напр.: (Ритцер 2002: 446–482, 564–581; Ядов 2006: 112 и др.).

** Не будем здесь углубляться в различие «микро-макро уровни» и «действие-структура» (Ритцер 2002: 447), отметим кратко, что при теоретизировании в рамках социологии семьи вполне возможно совместить рассмотрение дилемм макро-микро и действие-структура.

главным фактором происходящих в российской семье изменений считает социально-экономическое состояние общества (реформы, экономические кризисы). Несомненно, и «общество», и его экономические, социальные, политические, военные состояния в определенные периоды сказываются на частных отношениях людей: сексуальных, брачных, детско-родительских, супружеских, партнерских и т. п. Но более обоснованно было бы соотносить трансформации этих отношений и институциональные изменения в сфере частной жизни не с состоянием общества «здесь и сейчас» или с ее (семьи) местом среди других (публичных) институтов, а именно с состоянием той социальной сферы, в которой происходит возобновление поколений. Макроуровневым детерминантом трансформации отношений людей в сфере частной жизни является не состояние общества вообще, а состояние той специфической сферы общественных отношений, которую мы назвали *приватно-демографическим полем* и считаем интегрированным объектом изучения.

Конечно, неверно думать, что трансформационные процессы в приватно-демографическом поле *совсем* не зависят от уровня развития общества в целом. Известно, что есть огромные различия и в семейных, и в гендерных отношениях, и в режимах демографического воспроизводства между индустриальными и аграрными обществами. Речь идет не об *абсолютной*, а об *относительной автономности* приватно-демографической сферы общества. Более того, в процессе «значительного экономического роста, цивилизационного развития, особенно на его модернизационном этапе, в обществе проявляются такие характерные черты, как все большее разделение на *частное и публичное и развитие публичной сферы в обществе*» (Pollok 2001, цит. по: Глинчикова 2007: 40).

Вообще, *относительная автономность* присуща не только приватно-демографической, но и практически всем другим сферам общества: экономической, политической, юридической, образовательной, религиозной, научной, литературной и др. Эти и некоторые другие социальные сферы изучал П. Бурдьё, подчеркивая их *относительную* автономность («полуавтономность»), называя их социальными полями или подпространствами. Он исследовал механизмы, позволяющие преодолеть оппозицию структуры-действия, объективизма-субъективизма (Бурдьё 2007). Согласно теории генетического структурализма П. Бурдьё, противопоставление объективизма и субъективизма, структурной необходимости и индивидуальных действий является ложным, как он писал, «абсурдной враждой между индивидом и обществом» (Bourdieu 1990, цит. по: Ритцер 2002: 456). Одним из важнейших принципов социологии Бурдьё является положение о том, что в социальном мире существует

ряд полуавтономных полей, «каждое из которых обладает своей собственной особой логикой, функционирует и развивается по своим собственным законам и формирует у акторов мнение относительно того, что в определенном поле имеет значение» (Ритцер 2002: 462).

При разработке теоретической модели механизма трансформации семьи мы также будем исходить из этих методологических предпосылок, а именно из того, что область нашего исследования — *приватно-демографическое поле* — является одной из таких «полуавтономных» социальных сфер. Цель его — возобновление поколений людей и их первичная социализация и одновременно обеспечение психологически комфортного для жизни человека приватного микромира, способствующего сохранению жизни его и его потомства, раскрытию его личностного потенциала.

Говоря о приватности, мы подчеркиваем *относительное* отделение этого поля от публичных полей: экономического, юридического, политического, образовательного, научного, художественного и др. Это поле действительно представляет собой относительно замкнутую совокупность специфических социальных отношений, развивающихся по своим законам, отличающих его от любого другого поля и вообще — от пространства публичной сферы общества*.

Структурными элементами (движущими силами) приватно-демографического поля являются следующие виды отношений людей в сфере частной жизни:

- сексуальные (как интимные, супружеские);
- брачные (как изменение брачного статуса и репродуктивные намерения);
- сексуальные и репродуктивные (как производство жизни);
- отношения с детьми (как родительство, опека);
- отношение к жизни, здоровью (сохранение/разрушение);
- гендерные отношения (в приватно-демографическом поле).

Все они представляют собой сложные социальные отношения со своими специфическими стратегиями, определяемыми объективной структурой приватно-демографического поля. Поскольку эти отноше-

* В данной работе не ставится задача воспроизвести все тонкости теории П. Бурдьё применительно к области нашего исследования — социальным отношениям в сфере частной жизни. Но поскольку использование категорий этой теории, на наш взгляд, действительно дает основания для построения интегральной модели механизма трансформации семьи и преодоления методологических дилемм в социологии семьи, то попытаемся сделать это, опираясь на основные теоретические принципы и понятия этой теории.

ния происходят не всегда и не только в рамках брака и семьи, то в целом приватно-демографическое поле шире, чем семья и брак в их обычном понимании.

Называя это поле демографическим, мы тем самым акцентируем его детерминированность *исторически* меняющимися режимами воспроизводства населения. Подчеркнем, что это не просто «демографическая ситуация» (например, в России сегодня), а *исторически сложившаяся* объективная социальная структура, которая детерминирует действия, поведение людей в сфере частной, интимной жизни. Это касается чувственности, любви, секса, брака, легитимизации этих отношений, рождения или предотвращения рождения потомства, действий по сохранению здоровья, жизни своей и детей, их социализации, отношения к сохранению здоровья и жизни родителей, прародителей, других родственников и пр. Таким образом, приватно-демографическое поле существует лишь потому, что в нем есть «агенты»: взрослые мужчины и женщины, семьи с детьми или без детей, супружеские пары и пр. — между которыми и внутри которых устанавливаются специфические отношения, перечисленные выше, и реализующиеся в их практиках.

Поскольку «практики», по Бурдьё, — это проявление диалектического единства детерминирующей их структуры и действия, то это означает, что в приватно-демографическом поле существуют *объективные структуры*, не зависящие от воли и сознания людей, которые могут ограничивать, подавлять или стимулировать интимные, сексуальные, брачные, репродуктивные, супружеские, гендерные, родительские и др. практики и диспозиции агентов (индивидов, семей, партнерских союзов) в этом поле. Но эти две стороны генезиса (поле — практики — поле) приватно-демографической реальности, хотя и находятся в «диалектическом единстве», но не равнозначны. Они имеют свою иерархию: «субъективное структурирование социальной реальности есть подчиненный момент структурирования объективного» (Шматко 2007: 568). В случае приватно-демографического поля это объясняет то, что индивиды и семьи могут осуществлять свои практики только «*внутри*» уже существующих, *исторически сформировавшихся* «приватно-демографических отношений», но тем самым агенты (индивиды, семьи, союзы / группы) могут лишь воспроизводить или трансформировать их. Воспроизводство или трансформация брачных, семейных, сексуальных и др. отношений в этом поле возможны только как реализация «практических схем, схем восприятия, мышления, диспозиций», являющихся результатом / продуктом интериоризации *объективных социальных структур*» (Бурдьё 1994: 181–182) и составны-

ми частями того, что, следуя теории Бурдьё, мы назвали приватно-демографическим *хабитусом*.

Специфичность приватно-демографического поля заключается в нескольких моментах. Это и его «закрытость» (от посторонних глаз, в том числе и исследовательских), и обусловленное этим качество социологической и статистической информации. В результате — известные сложности в изучении процессов, происходящих в этом поле. Главная же его специфика — онтологическая — состоит в том, что его *современное* состояние в европейских обществах, его нынешняя объективная *структура* начала формироваться *всего два-три века назад*. В России сроки этой трансформации еще короче. Но именно эта трансформация (демографический переход) послужила «базисом» изменений всего множества отношений в сфере частной жизни. На протяжении же *нескольких миллионов лет* существования человека и до XVII—XIX вв. структуру приватно-демографического поля можно охарактеризовать как *исторически стабильную*. В течение пяти-шести миллионов лет* в приватно-демографическом поле действовали силы (отношения, позиции, диспозиции, обычаи, традиции, запреты, табу, нормы, законы, практики), направленные на выживание человека как биологического вида. Тогда, в те доисторические, исторические времена, в тех условиях существования / выживания и появилась система прочных предрасположенностей, или тот самый «традиционный» приватно-демографический *хабитус*, предназначенный для функционирования в качестве принципов, норм, запретов, регулирующих сексуальные, брачные, репродуктивные практики. Главный смысл того «бывшего» исторически сложившегося, миллионлетнего приватно-демографического *хабитуса* (или просто биологического), и сейчас еще действующего во многих обществах (африканских, азиатских), состоял в *максимизации рождений жизнеспособных потомков*. Поэтому параллельно в многовековой истории человечества были выработаны и утвердились табу на сексуальные связи, ведущие к рождению нежизнеспособного потомства, например, на инцест (Энгельс 1978).

Вершиной структурирующих действий того исторического — первобытного, древнего, а потом и «традиционного» приватно-демографического *хабитуса* — и структурированных им практик было появление важнейшего элемента структуры приватно-демографического поля — преимущественно моногамного брака, единобрачной семьи. Именно приватно-демографический *хабитус*, будучи продуктом объективной

* О продолжительности существования «человека разумного» см., например: (Янковский 2010).

необходимости того — доисторического, исторического, средневекового времени — выживания человека как биологического вида — породил «общепринятые», безинтенциональные способы поведения, практики, отношения в приватно-демографическом поле, поскольку только такие практики положительно санкционировались, потому что были максимально приспособлены к объективным целям приватно-демографического поля — воспроизводству новых поколений. Тот архетипический «исторический» хабитус и производимые им модели мышления, действия, практические схемы были довольно эффективны — *Homo Sapiens* выжил и расселился по всему миру.

Важнейшим требованием архетипического, а потом и «традиционного» хабитуса (от доисторических времен до недавних XVII–XVIII вв.) была жесткая «слитность» сексуальных, брачных и репродуктивных отношений (Вишневский 1982: 172–176)* внутри моногамной семьи. Это и было «требованием» объективных структур приватно-демографического поля в условиях низкой продолжительности жизни (20–25 лет) — сохранения социально-биологического вида в течение многомиллионной истории человечества. Между тем, как следует из концепции хабитуса, «без насилия или спора из практик частной жизни людей архетипического и традиционного общества исключаются (хабитусом) все... те поступки, которые бы были несовместимы с объективными условиями» (Бурдые 1995: 21). А именно, «запрещались» воздержание от брака, его откладывание, отсутствие детей в браке, регулирование числа детей в браке, рождение детей вне брака, развод, нарушение гендерного режима (мужского господства) и др. Даже если такие события и происходили, то они были крайне редкими, поскольку *такие* практики негативно санкционировались, участвующие в них агенты наказывались. Так что агенты приватно-демографического поля (индивиды и семьи) «никогда не бывают свободны, но никогда иллюзия свободы (или отсутствия принуждения) не бывает столь полной, как в случае, когда они действуют, следуя схемам своего хабитуса, т. е. объективным структурам, продуктом которых является сам хабитус: в этом случае агенты ощущают принуждение не более чем тяжесть воздуха» (Bourdieu 1994, цит. по: Шматко 2002: 399). Подчеркнем, что модели мышления, практические схемы, практики, основанные на архетипическом и «традиционном» хабитусах, производились и воспроизводились на протяжении *нескольких миллионов лет*.

* Заметим, однако, что в цитируемой работе речь идет только о демографических отношениях, но не упоминаются родительско-детские и родственные / свойственные как виды семейно-социальных отношений.

Только два-три века назад (в XVII—XVIII вв.) начались едва заметные изменения сначала в структуре приватно-демографического поля западноевропейских обществ: практики откладывания брака, воздержания от сексуальных отношений, пуританство — становятся хотя бы возможными, не жестко контролируруемыми, не осуждаемыми, затем появляются и распространяются практики внутрисемейного ограничения числа детей у брачных пар (Хаджнал 1979: 14—70), а в конце XIX в. эти изменения начинаются и в российском обществе (Тольц 1977: 138—153; Демографическая модернизация... 2006: 67—254). В те же времена постепенно меняется отношение к детству: дети становятся объектом любви, нежности, интимности — происходит «открытие детства» (Арьес 1999), появляется и распространяется психология детоцентризма. Во взаимоотношениях взрослых людей актуализируется романтическая любовь, возможность «брака по любви», возможность развода, равноправие партнеров в сексуальных отношениях, в интимной сфере, самооценность супружества без репродуктивных намерений* и пр. Такое генетически двойственное переструктурирование приватно-демографического хабитуса и приватно-демографического поля *исторически* постепенно происходило в процессе демографического перехода. Объективными основами-импульсами к нему были (и есть) эпидемиологический переход и обусловленный им *демографический взрыв*, который начался в XVII в. в европейских обществах и продолжается в настоящее время как глобальный феномен** (Капица 2010).

В соответствии с новыми объективными условиями — перенаселением — постепенно, на протяжении XVII—XIX вв. в европейских обществах происходит переструктурирование приватно-демографического хабитуса, т. е. появляется новый интериоризированный ансамбль приватно-демографических отношений, норм, представлений, диспозиций. Постепенно ослабевает (в общественном сознании) социальный контроль за соблюдением старых норм, затем «пересматривается» *необходимость* их «общей» направленности на «естественную» (максимальную) плодовитость. Эти практики под воздействием «переопределенного интериоризированного хабитуса» распространяются сначала в высших, наиболее образованных, богатых, зажиточных слоях европейских обществ. Эктериоризация хабитуса этих социальных групп посте-

* См., напр.: (Гидденс 2004).

** Свои взгляды по поводу угрозы перенаселения (демографического взрыва) высказывали в конце XVIII в. Т. Мальтус, в XX в. — В.И. Вернадский, зарубежные ученые П. Эрлих, Дж. Форрестер, Д. Медоус, А. Сови, Р. Пресса, Ф. Нотенштейн, в XXI в. — С. Капица и др.

пенно становится объективной реальностью приватно-демографического поля европейских обществ (Франции, Англии, Германии).

К началу XX в. эти трансформации (структуры приватно-демографического поля и приватно-демографического хабитуса) охватывают все большее число обществ, в т. ч. и Россию. Тогда здесь наблюдались такие явления, которые П. Сорокин назвал кризисом современной семьи: «рост разводимости, уменьшение числа заключаемых браков, рост числа внебрачных детей, аборт, проституция, уменьшение числа детей в браке, эмансипация женщин...» (Сорокин 1916, цит. по: Голод 1998: 44, 243). Эти явления продолжались на протяжении всего XX в. и, по-видимому, их распространение имеет необратимый характер. Такой вывод следует из того, что, согласно концепции приватно-демографического хабитуса как *закона* соответствующего поля (продукта истории), он переопределяется в соответствии с объективными условиями / требованиями именно этого поля. И поскольку в том *историческом* времени, когда объективная внешняя структура характеризовалась *перенаселением*, структурирование диспозиций, представлений и практик агентов произошло так, что они изменились адекватно той ситуации (взрывного роста численности населения), т. е. адаптировались к ней. В практиках агентов приватно-демографического поля появились такие «новые элементы», как откладывание вступления в брак, воздержание от сексуальных связей (целомудрие, пуританство), внутрисемейное ограничение числа детей, внебрачные рождения, разводы, повторные союзы, сожителства (без детей), однополые союзы и другие практики частной жизни. Глубинный (хабитусный) смысл таких практик — соответствие объективному состоянию приватно-демографического поля. Важно подчеркнуть, что именно такие «новые» практики / формы частной жизни «эффективно» разрывают слитность сексуального, брачного, репродуктивного и семейного поведения и не ведут к обязательным, как прежде, многочисленным рождениям, и вообще — к зачатиям и рождениям. Такие практики были известны во все исторические эпохи, включая античную, и именно в те времена, когда *перенаселение* воспринималось как угроза государственному благополучию*.

Для того чтобы представить модель трансформации семейных отношений во взаимосвязи с состоянием приватно-демографического поля и хабитуса, надо иметь в виду, что хабитус имеет несколько свойств (интериоризированных «персонифицированных» схем), которые весьма важны с точки зрения методических основ анализа отношений, реализующихся в рамках поля. Прежде всего, это то, что поскольку хабитус —

* Напр., в Древней Греции (Фуко 2004: 315–421).

продукт истории, постольку он и продукт объективных условий, сходных с теми, в которых он исторически возник. По-видимому, это и есть «коллективное бессознательное», которое производит сама история, воспроизводя приватно-демографические отношения в псевдоприроде, каковым и является приватно-демографический хабитус. Примером тому могут служить тенденции повышения возраста вступления в брак во Франции в начале XX в., о которых М. Хальбвакс писал как о некоем «коллективном бессознательном брачном марше».

Другой характерной чертой хабитуса является его *гомологичность* — схожесть приватно-демографических условий формирования хабитуса. В нашем случае это свойство может быть положено в основу конструирования «групп по приватно-демографическим траекториям», т. е. агентов / семей с большой вероятностью совпадения ситуаций в сфере частной жизни по сравнению с агентами из разных других групп. Основанием этой гомологии приватно-демографического хабитуса могут быть диспозиции в отношениях брачного супружества, внебрачного супружества, родительства в «целой» семье, послеразводного родительства, внебрачного материнства и т. д. Практики агентов, относящихся к одной группе, приватно-демографический хабитус делает «разумными», связанными, просто потому, что в схожих приватно-демографических условиях «работают» схожие практические схемы.

Еще одно свойство хабитуса — эффект инертности, запаздывания или *гистерезиса*: какое-то время после того, как социальные условия изменились, — общество пережило *демографический взрыв* и перешло на новый демографический режим, — часть агентов продолжают воспроизводить прежние приватно-демографические отношения. Именно благодаря эффекту гистерезиса можно объяснить столь долговременную и столь сильную дифференциацию типов семейных, брачных, репродуктивных, гендерных отношений в разных обществах, отраженных в их культурах. Хотя если сравнить продолжительность в *несколько миллионов лет* реализации этих отношений, практик, позиций, диспозиций в рамках архетипического и традиционного приватно-демографического хабитуса и *одно-два-три столетия* — в рамках современного, то окажется, что это переструктурирование приватно-демографического поля и его хабитуса происходит не так уж медленно.

В результате изменений социальных — приватно-демографических отношений, диспозиций агенты (индивиды, семьи, «группы по траекториям») осуществляют свои практики в частной жизни в соответствии с интериоризированным приватно-демографическим хабитусом, но, так или иначе, подчиняясь законам приватно-демографического поля

и не ощущая при этом принуждения со стороны макроструктуры. Сущность этих законов, как и приватно-демографического хабитуса, состоит в *разумном ограничении числа рождений*. В рамках этих законов объективной структуры приватно-демографического поля происходит и будет происходить конструирование агентами общих ситуаций, схожих, типовых моделей действий, практик, что обуславливает их институционализацию — и это уже не только институты семьи и брака в их нынешнем понимании, но иные, инновационные агенты приватно-демографического поля — институты и структуры.

Таковы основные результаты разработки концептуальных основ изучения социального механизма взаимодействия трансформационных процессов в сфере частной жизни людей и демографического развития общества в целом в контексте идей П. Бурдьё.

Литература

Антонов А.И. Социология рождаемости (Теоретические и методологические проблемы). М.: Статистика, 1980.

Аръес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.

Батыгин Г. С., Подвойский Д.Г. История социологии / Учебник. М.: Высшее Образование и Наука, 2007.

Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

Бикбов А. Метод и актуальность работ Мориса Хальбвакса // Социальные классы и морфология. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000. С. 463–506.

Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.

Бурдьё П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: Учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995.

Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982.

Вишневский А.Г. Это ключ от другого замка // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 150–155.

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Пер. с англ. В. Анурина. СПб.: Питер, 2004.

Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Глинчикова А.Г. Модернити и Россия // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 38–56.

Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984.

Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК, 1998.

Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.

Дэвис К. Социология демографического поведения // Социология сегодня. Проблемы и перспективы / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1965. С. 343–371.

Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофман. М.: Канон, 1995а. С. 274–275.

Дюркгейм Э. Курс социальной науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофман. М.: Канон, 1995б. С. 167–198.

Заславская Т.И. Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России (Глава 6). // Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 93–109.

Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальный механизм институционализации неправовых практик (Глава 9) // Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 153–164.

Захарова О.Д. Исследования демографических процессов и детерминация рождаемости (Глава 20) // Социология в России / Ред. Ядов В.А. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 392–414.

Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.

Ионин Л.Г. Генитальная конституция модерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 2 (22). С. 21–39.

Как изучают рождаемость. Новое в зарубежной демографии: Сб. статей / Под ред. А.Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983.

Каница С. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2010.

Карцева Л.В. Семья в условиях трансформации российского общества: теоретическая модель и эмпирическая реальность. / Автореф. дисс. ... докт. социол. наук. Казань, 2002.

Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 139–149.

Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Том XIV. № 1 (54). С. 51–65.

Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии, методики. М.: Наука, 1989.

Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. СПб.: Питер, 2002.

Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 1, 2.

Социология семьи: Учебник / Под ред. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007.

Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977.

Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / Пер. с франц. В. Каплуна. СПб.: Академический проект, 2004.

Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневого и И.С. Кона. М.: Статистика, 1979.

Хальбвакс М. Браки во Франции во время и после войны // Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000а.

Хальбвакс М. Индивидуальное сознание и коллективный разум // Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бикбова, Н.А. Шматко М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000б.

Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки. М.: ЦСП, 2003.

Шматко Н. Генетический структурализм Пьера Бурдьё // История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 4 / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002.

Шматко Н.А. Социальное пространство Пьера Бурдьё (послесловие) // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Пер. с польск. В.Ф. Чесноковой. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1967.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1978.

Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2006.

Янковский Н.К. Лекция «Генетика и геномика» в рамках проекта «Academia», 2010. [www.rusnanonet.ru/academia060510/].

Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action. Paris: Seuil, 1994.

Bourdieu P. In Other Words: Essays towards a Reflexive Sociology. Cambridge: Polity Press, 1990.

Halbwachs M. Population and Society: Introduction to Social Morphology. Glencoe, Ill.: Free Press, 1960.

Stoetzel J. Sociology and Demography // Population (English Edition). 2006. Vol. 61 (1–2). Pp. 19–38.

Социология семьи

Landry A. La révolution démographique. Paris, 1934.

Pollok S. India in Vernacular Millennium: Literally Culture and Polity, 1000–1500 // Public Spheres and Collective Identities / Ed. by S.N. Eisenstandt, W. Schluchter, B. Wittrock. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2001.